

Папе

1. Золотое дно

Когда у меня на душе темно, как в пропасти, я думаю о речке Ныгрí. Сколько лет ей, никто не скажет. Так давно рядом с ней и люди не жили. И никто не видел, как она родилась от талых и подземных вод. И побежала искать своё русло.

Много ли, мало ли времени прошло, но речка выбрала для себя путь вдоль гор, богатых кварцем. Ух и крепкие были горы! Одно слово — богатыри. Не боялись они разрушающего ветра, безжалостной мерзлоты и страстных оттепелей. В любую погоду защищали богатырей кварцевые доспехи. Только блестящие чешуйки потихоньку отслаивались от доспехов и уносились в воды юной речки.

«Что за сор баламутит мне воду? — сердилась на чешуйки речка. — Что мешает мне бежать вперёд?»

Речка разбрасывала сор по берегам и утаивала в ямках на дне, а сама бежала от него куда подальше...

Много воды утекло с тех пор, как речка начала свой путь. Так что, когда в её долине появились люди и нашли драгоценные россыпи, они воскликнули:

— Золотое дно!

«Что ж, — думаю я, когда на душе темно. — Может, и в моей пропасти сыщется что-нибудь ценное? Надо поискать».

2. Диковина

Было время, когда на бодайбинской земле не было города. Не было ни одного посёлка. Тогда кочевали по тайге тунгусы. Они пасли на ягелевых полянах оленей. Они охотились на пушного зверя. Они ловили в холодных речках рыбу. И иногда по берегам рек отец-тунгус находил диковину — кусочек Солнца. Верно, Добрый дух отщипнул кусочек от Солнца да подбросил тунгусам в подарок.

Приносит отец-тунгус диковину в чум и показывает мальчикам. Один из них зыркает и тут же говорит:

— Лук!

Сразу видно: кусочек Солнца похож на лук с острыми и меткими стрелами — это Добрый дух желает тунгусам сытого живота. Пусть будет много мяса и рыбы!

Второй малец присматривается и говорит:

— Шкура!

Эге, погоди! Кусочек Солнца похож на оленью шкуру. Вот что желает Добрый дух тунгусам — тепла. И внутри чума, и снаружи чума. Пусть тунгусы никогда не мёрзнут!

Третий малец не выдерживает и заявляет:

— Олень!

Ясно как день! Если на что и похож кусочек Солнца, так это на оленя. Добрый дух желает тунгусам большого стада, бы-строногого и крепкотелого. Пусть тунгусы никогда не сидят на месте!

Какой щедрый Добрый дух! Неужели он всё это желает тунгусам?

Спорят мальцы:

— Олень! Шкура! Лук! Луколеньшкура! Шкуроленьлук!

А четвёртый малец смеётся. Смотрит на диковину и смеётся. Для него кусочек Солнца похож на глаз. И в этом глазу видно, как поёт река, что такое быть кедровым стлаником и в чём сила гольца́.

Смотрит малец на кусочек Солнца.

Смотрит кусочек Солнца на мальчика.

И тайга смотрит.

3. Бодайбо

Про город Бодайбо́ рассказывают такую легенду.

Пару веков назад искатели приключений прознали, что таёжная земля возле реки Витим богата на золото. Долго ли, коротко ли, добрались они до Витима, справили избушки и давай золото искать. Да только нелёгкое это оказалось дело. Ведь золото не на земле разложено, а внутри у неё спрятано. Чешуйками, крупичками, камешками. Чтобы найти — нужно горы земли перебрать.

Кто-то покопался-покопался да сдался: собрал пожитки и отправился искать счастья в других местах. Но самые упорные не теряли надежды. Каждый день, отправляясь на поиски золота, они молили:

— Подай, бог! Подай, бог!

«Бодай бо? Что ещё за бодайбо? — слушали и дивились тунгусы. — Наверное, нравится чужакам эта земля. Наверное, хвалят они эту землю. А что? Хорошей земле — хорошая похвала!..»

Много искателей золота приехало тогда на реку Витим. И кочующий народ так и представлял им свои края:

— Бодайбо!

Потом и городок тут построили. Под такую-то хорошую похвалу!

И город Бодайбо стал главным среди всех посёлков, в которых добывают золото.

В посёлке Чанчик родился мой дедушка.
В посёлке Светлый родился мой папа.
А в посёлке Кропоткин родилась я.

4. Монета

У меня в шкатулке есть монета. Толстая и коричневая. Она похожа на шоколадное печенье. Зачерствелое такое — зубы сломаешь. Видишь, сверху рыжий узор:

Вот какой стародавний пятак.

Я держу его в руке — тяжёлый. Десять рублей такими пятаками — и можно руки качать! Интересно, а чьи руки эта монета помнит?

Её нашёл мой папа в посёлке Кропоткин. Прямо на огороде нашёл. Монету, а ещё подкову. Потому что огород был при доме моего дедушки. А до дома и огорода на этом месте стоял конный двор. А до конного двора...

А вот что было до конного двора, уже никто не подскажет. Посёлок был тогда маленький. Сто лет назад он даже назывался по-другому — прииск Тихоно-Задонский. В те времена, когда чеканили такие монеты, в бодайбинской тайге один за другим открывались прииски по добыче золота. Съезжался на заработки

народ. Наверное, и монета приехала. Ходила монета из рук в руки. Пока не потерялась. А вдруг её выронил сам Кропоткин?

В те времена много рабочих трудилось, старалось на приисках. Их даже звали по-особенному — старатели. Да только трудно было всем прокормиться в глухой тайге. Не ездили тогда машины, не летали самолёты, и местные горы — гольцы — считались непроходимыми. Вот владельцы приисков и попросили учёного Кропоткина найти путь из города в тайгу. Что он и сделал. Вышел с экспедицией из города Иркутска, добрался до прииска Тихоно-Задонского и по берестяной карте тунгусов прошёл через тайгу до города Читы. А заодно изучил гольцы и камни, исследовал растения и животных и установил, что на этой земле был ледниковый период. За эти открытия посёлок Тихоно-Задонский и переименовали в честь Петра Алексеевича Кропоткина.

Я держу монету и думаю: «А я куда отправлюсь? Что увижу? Какой путь найду?»

Выхожу из дома, бреду по тротуару, стою на светофоре: слишком твёрд асфальт под ногами, прямы дороги, всё проходимо.

— Ау! — звонит телефон. — Ты где?

Иду, отвечаю. Уже иду.

5. Это брюки МОИ ВЫХОДНЫЕ

Когда мой папа был маленьким, посёлок Светлый был большим. Там стояли избушки да шахты для добычи золота, шахты да избушки. А среди них — клуб и три конных двора. Клуб — это место для кино и танцев. А на лошадях в то время делали всю работу. И землю из шахты вывозили, и дрова заготовливали, и в соседний посёлок Кропоткин ездили. А пожарные с их помощью воду качали. Заходили на лошадях в речку Тунгуску и пожарной помпой наполняли бочки водой.

И вот на одном конном дворе жил парень по имени Шурка. Шуркин дед заведовал конным двором, а вместо дома у него была хомутарка, построенная из круглого леса. В хомутарке всюду висели хомуты с лошадиными именами, посерединке царствовала печь, а в углу ютились кровать да сундук. Кровать была дедова, а на сундуке спал Шурка. Табурет приставлял к сундуку, чтобы ноги можно было вытянуть, — так и спал. Многие так спали.

Однажды мой маленький папа встретил Шурку на улице. Шурка был радостный и позвал папу к себе.

— Что покажу! — не терпелось похвастаться Шурке.

Он открыл сундук и выудил из недр брюки.

— Это брюки мои выходные! — поднял брюки Шурка.

Громко поднял. Все лошади слышали. Высоко поднял. Со всех сторон было видно.

Папа и Шурка рассмотрели брюки со всех сторон.

И Шурка снова окунул руки в сундук и достал стёганую куртку.

— А это — фуфайка моя выходная! — поднял фуфайку Шурка.

Громко поднял. Высоко поднял. Долго мой маленький папа и Шурка любовались фуфайкой.

А знаешь почему?

Эти брюки и фуфайка были точно такие же, как на Шурке. Только они были новые. А значит, чистые. А значит, в них можно было выйти в клуб: смотреть кино и танцевать под духовой оркестр. О большей радости, чем новые брюки и фуфайка, на Светлом нельзя было и мечтать.

Шурка потом сделался бульдозеристом и уехал на работу в посёлок Кропоткин. Папа вырос, выучился и тоже отправился работать в Кропоткин. Уехал и мой дедушка. Пришла очередь Кропоткина становиться большим рабочим посёлком. А Светлый опустел. Опустели шахты да избышки, опустели конные двory и клуб. А вместе с ними слова:

— Это брюки мои выходные... А это — фуфайка моя выходная...

6. Салют

Когда я родилась, загрохотал гром.

Тётя-врач вручила меня маме и сказала:

— Слышите салют? Это природа встречает вашего ребёнка...

С тех пор я тоже мечтаю салютовать природе!

Наш дом стоит на речке Ныгри.

Наша улица Заречная тянется вдоль Ныгри через весь посёлок Кропоткин.

Много лет назад по Ныгри прошла драга. Прошла по реке плавучая фабрика, добывающая золото. Гигантскими ковшами драга вгрызалась в каменистое дно Ныгри, зачерпывала породу и отправляла её в своё нутро. А там, внутри, порода промывалась на золото. Кусочки золота драга оставляла себе, а пустую породу извергала обратно. Так что вскоре по берегам реки остались отвалы. Их разровняли и построили целую улицу. И назвали её Заречная.

Я смотрю из окна на речку и думаю: а может, салютовать Ныгри? Но салют — весёлое слово. А речка наша вечно угрюмая. Весной я иду по мосту в музыкальную школу — и вижу, как Ныгри всхлипывает подо льдом. Вечером засыпаю — и слышу, как у речки на душе шкребут камешки.

Но однажды мы просыпаемся, а во дворе вода. Это Ныгри снесла мост и разлилась по берегу, окутала землю между домами и теплицами...

И вдруг я понимаю: просто речка соскучилась! Ведь ту породу, на которой стоит наш дом, Ныгри когда-то держала в своей воде. Но теперь она накопила сил и наконец-то обняла родную землю.

Тогда я выбегаю во двор и изо всех сил шлёпаю по воде:
— Салют, Ныгри!

7. Гольцы

Горы вокруг Кропоткина, говорит папа, одной речной рыбе родня. Имя у них одинаковое — гольцы. Да не только имя. И рыбы-гольцы, и горы-гольцы — не огромные, но и не маленькие. И те и другие — домоседы. Веками живут на одном месте. Потому что у каждого гольца большая семья. Вот выглянешь из дома на голец — один как есть. Станешь подниматься — у него за спиной пара братьев стоит. А за ними ещё. Вырастают как на глазах. То тут, то там. Заберёшься на макушку гольца... Сколько же вас уродилось? Никаких ног обойти не хватит!

Дедушкин дом стоит на холме. И с крыльца много чего видно. Видно, что гольцы окружили посёлок со всех сторон. Как будто закружили Кропоткин, втянули его в свой круговорот. И меня. Я верчусь, и гольцы плывут мимо меня, как рыбы. Переливаются хвойно-лиственной чешуёй. Подмигивают на солнце сланцами.

— Чего? — спрашиваю. — Чего подмигиваете?

Но гольцы молчат. Они ведь рыба родня. Даже если откроют рты, всё равно ничего не скажут.

8. Главный брат

А знаешь, пусть гольцы молчат.

Я сама расскажу одну историю.

Когда-то Цибульский голец был таким же, как все его братья. Он ничем среди них не выделялся: стланиковая рубаха, сланцевые кольчуга и щит. И точно так же веками сидел на одном месте, сохраняя тепло для своей реки, для своей земли.

Все гольцы-богатыри защищали свои реки и земли от суровой Зимы. В один год их битва с Зимой оказалась особенно долгой. Битва длилась уже девять месяцев, но Зима и не думала сдаваться. Она без устали насылала на гольцы стужу за стужей, снегопад за снегопадом, вьюгу за вьюгой. И в конце концов гольцы начали бояться, что их доспехи насквозь промёрзнут и рассыплются на кусочки.

— Эй! — попытался взбодрить братьев Цибульский голец. — Все зимы проходят! И эта пройдёт.

Но уныние уже проникло через сланцевые доспехи, через стланиковые рубахи, и богатыри, ослабленные бесконечным боем, не смогли откликнуться на призыв брата.

Цибульский голец всерьёз забеспокоился, что тут уже не доспехи, а сами братья могут окончить навсегда. Тогда он начал расправлять плечи, затёкшие от вечного сидения на одном месте, приподниматься с колен и стряхивать со щита снег. Заскрипели сланцевые доспехи Цибульского, затрещала стланиковая рубаха.

И Зима перепугалась, что богатырь вытянется в полный рост, прогонит снежные тучи, приручит вьюгу и согреет тёплым дыханием стужу. Схватила Зима своё самое главное оружие — ледяной меч, размахнулась и нанесла Цибульскому страшный удар. Да только за Цибульским были братья, а за Зимой — страх, поэтому богатырь устоял, прикрывшись щитом, а правая рука Зимы утратила свою силу.

Разозлившись на саму себя, Зима переложила ледяной меч в левую руку, снова замахнулась на Цибульского и ударила его второй раз. Да только за Цибульским были его земля и река, а за Зимой — лишь злость, поэтому и левая рука Зимы потеряла свою силу. И Зима приняла своё поражение. Тогда все братья-гольцы увидели, что на месте ударов Зимы на Цибульском зачернели две длинные проталины, и вскоре показалась не только Весна, но сразу Лето. И решили братья-богатыри: раз так, пусть Цибульский не усаживается обратно, как все, а будет главным братом.

С тех пор Цибульский гонец самый высокий среди гольцов, окружающих Кропоткин. А в посёлке говорят, что, когда на Цибуле появляются проталины в виде буквы Л, значит, настало лето. Лето в Кропоткине хоть и жаркое, но короткое. Если повезёт, три месяца без заморозков. А то и меньше. Такое лето легко проворонить! Хорошо, что рядом есть Цибульский гонец — он всегда подскажет.

